

В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

ТРАДИЦИОННЫЕ НОРМАТИВЫ, СВЯЗАННЫЕ С НАРОДНЫМ КАЛЕНДАРЕМ

За период работы экспедиции было зафиксировано около 500 текстов, представляющих в словесной форме те или иные поведенческие нормативы.

Подобный материал уже не раз привлекал внимание исследователей¹. Помимо терминов *запреты*, *предписания*, *нормативы*, *прескрипции*, соответствующих функциям исследуемых текстов, для их обозначения используются два термина, отражающие их жанровую природу: *приметы* и *поверья*². С нашей

¹ Достаточно упомянуть работы Д. К. Зеленина, И. А. Чернова, Л. Н. Виноградовой, С. М. Толстой [Зеленин; Зеленин 1929; Чернов 1967; Виноградова, Толстая 1999], а также ряд исследований, связанных с профессиональными нормативами [Антропология профессий 2005; Профессии.doc 2007; Малые социальные группы 2008; Щепанская 2001; 2003; 2006; Шумов 2003; Шумов; Чередникова, Кром; Трофимов 2001; Добровольская 2005; 2006; 2006а; 2006б; 2007; 2008].

² Существует широко распространенное среди лингвистов мнение, что можно «отождествлять примету с поверьем» [Харченко, Тонкова 2008, 13]. Тем не менее, говоря о том, что «было бы схоластикой настаивать на устойчиво четком размежевании этих фольклорных феноменов» [Харченко, Тонкова 2008, 13], исследователями оговариваются случаи, когда подобное отождествление невозможно: примета не отождествляется с поверьем, если афористически оформлена. Поверье в таком случае рассматривается как пересказ приметы. Подобное положение кажется нам неубедительным. С нашей точки зрения, поверья и приметы — это разные микрожанры. Приметы складываются на основе реальных наблюдений, поверья же построены на воззрениях, которые, по мнению исследователей (а не исполнителей), опираются не на реальный эмпирический опыт, а на «логику» образно-символической семантики, «логику» ассоциаций и представлений о «сверхъестественных» связях в мире. Сравним два текста: «Если мошка высоко вьется — будет теплый и ясный день» и «Если впер-

точки зрения, термин *примета*³ уместно употреблять, когда речь идет о текстах, целью которых является предсказание погоды, то есть о метеорологических или фенологических приметах. Еще Г. Л. Пермяков отметил, что приметы являются афористическим жанром и выделяются в самостоятельный тип паремий [Пермяков 1975, 255]. Нам близка позиция тех исследователей, прежде всего лингвистов, которые рассматривают приметы как «разновидность пословичных изречений. В них есть поучительный смысл, но в отличие от пословиц поучительность народных примет носит не наставительно-дидактический, а научный, наблюдательно-назидательный характер. Поэтому образность примет создается не в переносном применении понятий, а всегда в прямом истолковании, которое путем простого сравнения дает определенный “вывод”» [Кудряшова 1993, 15]. Поверье же по своей природе является представлением о причинно-следственных связях в окружающем мире, почерпнутым не из реального, логически интерпретированного эмпирического опыта людей, а из комбинации элементов этого опыта,

ди стада идет рыжая корова, то будет ясный и теплый день». В первом случае мы имеем дело с проверенным временем предсказанием, основанным на презумпции объективности. С нашей точки зрения, подобные тексты должны рассматриваться как приметы. Внутренняя форма слова «примета» указывает на его определенное употребление: примета от ‘примечать’, что, собственно, и имеет место в первом примере. Второй пример основан на презумпции скрытой связи между предметами и явлениями. Цвет коровы, идущей впереди стада, не связан с погодой, так что это предсказание не может опираться на обобщение реального опыта. Следовательно, второй текст является поверьем. И действительно, в данном случае употребление этого термина более уместно, так как здесь человек не наблюдает, а верит. И приметы, и поверья основаны на предсказании одного события с помощью другого и с точки зрения носителей традиционной культуры принципиальных отличий не имеют. Они одинаково принимаются на веру, обеспеченную авторитетом предков.

³ Использование термина «примета» встречается и в исследованиях, посвященных другим видам прескрипций, например профессиональным. См., например: [Щепанская 2001; 2003; 2006].

осмысленных и истолкованных в рамках мифологической картины мира. Целью поверья является формулировка запретов и правил, которых нужно придерживаться, чтобы не попасть в нежелательную ситуацию или выйти из нее с наименьшими потерями. Поэтому поверье в полном виде имеет двучленную структуру: констатация/описание определенного элемента картины мира и его воздействия на людей (причем то и другое принадлежит к собственно мифологическому пласту картины мира) и формулировка правил «техники безопасности» или «обходного маневра» при обращении с этим элементом или избегании его. Таким образом, мы будем называть рассматриваемые тексты либо поверьями, что отражает их жанровую природу, либо нормативами (или прескрипциями), представленными запретами и предписаниями, что соответствует их функции.

Безусловно, народный календарь постоянно находится в сфере интересов фольклористов⁴. Однако в центре внимания исследователей оказываются либо песенные календарные жанры, либо обрядовые действия, связанные с наиболее важными календарными датами. Даже такое полное издание, как «Смоленский музыкально-этнографический сборник», первый том которого посвящен календарным обрядам и песням, несмотря на стремление авторов показать весь корпус «музыкально-фольклорных форм и этнографического контекста», содержит поверья в единичных вариантах [Смоленский сборник 2003, 8]. Наиболее полно календарные поверья представлены в книге С. М. Толстой «Полесский народный календарь» [Толстая 2005]. Задача автора заключалась в комплексном лингво-этнографическом описании материала, вследствие которого была дана языковая характеристика лексики, рассмотрены этнокультурные реалии и географическая специфика терминологии и обрядово-мифологических явлений. Поскольку материалы были подготовлены для этнолингвистического словаря,

⁴ Относительно полная библиография работ последних лет, посвященных народному календарю см.: [Посоха 2007]

издание не дает полного представления о календарных поверьях описываемого региона, хотя, безусловно, в отдельных статьях, посвященных той или иной календарной дате, содержатся сведения о состоянии системы календарных поверий внутри полесского календаря.

Народный календарь охватывает не только конкретные календарные даты, но и другие временные категории, поэтому поверья календарного характера связаны как с нормативами, регулирующими поведение человека во время праздников, так и с теми правилами, которые регламентируют жизнь человека в другие календарные периоды.

Отметим, что поверий, связанных с праздниками, в исследуемом регионе относительно немного. Наиболее распространенным является запрет на работу в праздничные дни: «Праздник, он тем от буден и отличается, что работать в него нельзя. Работать на праздники — грех. Бог накажет» (А. Н. Журухин)⁵.

Данный запрет распространяется на все дни, которые осознаются в местной традиции как праздничные, однако наиболее опасными считаются Благовещение и Егорий, когда запрещены любые виды работы: «На Благовещение работать нельзя. Совсем нельзя. Если на Благовещение хоть что сделаешь — весь год удачи не будет» (Н. В. Чернышова); «Мы на Благовещение лишний шаг сделать боимся, если работать в этот день, то всё — счастья не будет, работа вся насмарку. Стараются дома сидеть. Всё, что в этот день сделано, — не к добру» (Л. И. Платонова); «На Егория уж лучше из дома совсем не выходить. Уж грозен он. Уж вот что не сделаешь, всё прахом идет» (Г. М. Пикина); «Егорий он грозный, уж на него работать нельзя. Любая работа впустую, и опасна она. Он громом убить может» (В. С. Бровентьева). Более того, негативная семантика этих дней переносится и на тот день недели, на который пришелся каждый из названных праздников в текущем году. В эти дни недели стараются не начинать никакой новой работы, не шить, не заготавливать продукты, не рубить дере-

⁵ Сведения об информантах и ссылки на архивные записи см. в конце статьи.

вья для строительства дома и т. п.: «*Вот всегда замечают, на какой день пришлось Благовещенье. И вот весь год в этот день уж только самое-самое делают. Ну, там, еду приготовить, огород полить, а так нет. Ни тушенку не делаем — взорвётся она, варенье не варим — скиснет. Вот, говорят, для дома брёвна не заготовливают. Говорят, в такие брёвна молния попадет, и дом сгорит*» (В. С. Бровентьева). «*Вот Егорий если там на вторник пришелся или там на субботу, то тут уж весь год в этот день тихо сидишь. Тут уж шить нельзя, в такой одежде <сшитой в эти дни. — В. Д.> тебя гром побьет. Сало не солят — стухнет. В огород не ходят — болезнь какая на всё нападет, или жук пожрет. Только так чего помаленьку. Ну, там еду сготовить, скотину обиходить. А так тихо сидим*» (М. Н. Горелкина).

Прескрипции, связанные с этими двумя праздниками, а также с Казанской и Ильиным днем⁶, формируют особую группу нормативов, основанных на представлениях о грозových/грозных днях⁷: «*Вот у нас есть грозные дни. Ну, такие опасные дни. На них ничего работать нельзя. Это Благовещенье и Ильи Пророка. Кто на них работает, тех Бог накажет*» (М. И. Горелкина). Особенно эти дни неблагоприятны для выполнения разного вида женских работ. В «грозные» дни нельзя шить, вязать и даже вышивать — в противном случае вся сделанная работа порвется: «*У нас вот грозные дни: Казанска и Ильин день, тут уж ни шить, не вязать нельзя. Всё, что наработаешь, вот даже если просто вышивать будешь, то и тут все порвется, посечется вся нитка*» (Г. М. Пикина). Нельзя также играть на музыкальных инструментах, поскольку везде, где слышна музыка, посева будут либо побиты градом, либо сгниют от дождя, либо будут сожжены молнией: «*Вот кто в Егория или Казанску играет на гармонии, тот хлеб портит. Вот где только музыка слыш-*

на — там вот весь хлеб градом побьет» (А. Н. Гасова); «*На грозные дни нельзя играть вот ни на чем, музыка где на полях слышна, там весь хлеб от дождя сгниет*» (М. Н. Горелкина); «*Там, где на грозовой день на гармонии играют, — там всё сено сгорит и весь хлеб. Молния туда попадет. Вот везде, где музыка слышна*» (Г. М. Пикина).

Как видно из приведенных примеров, прескрипции объединяются не вокруг конкретной календарной даты, а вокруг нескольких дней, которым приписывается общая негативная семантика.

Запрет работать в другие праздничные дни носит не такой жесткий характер. Ограничения на работу затрагивают в основном первую половину дня или только время церковной службы: «*Вообще на Пасху работать нельзя, но вообще-то самое время в огороде-то. И мне объяснили, что нельзя только утром, ну до обеда, а потом можно. А если до обеда, то пустая работа*» (В. С. Бровентьева).

Помимо общих прескрипций, связанных с запретом работать в любой праздничный день, существуют и нормативы частного характера, регулирующие поведение человека в тот или иной конкретный праздник. В Селивановском районе были зафиксированы поведенческие нормативы для большинства праздников, характерных для традиционной культуры Владимирской области [Добровольская 1999; Добровольская, Киселева 2004]. Больше всего — для таких праздников, как Вознесение, Троица, Духов, Петров и Ильин день, Казанская и Воздвижение. Запреты и предписания, связанные с другими праздниками региона, записаны в единичных вариантах.

Так, например, на Вознесение запрещалось плевать, поскольку можно случайно попасть в Христа, который ходит в этот день по земле: «*На Вознесенье плевать нельзя. В Иисуса Христа попасть можно, он на Вознесенье по земле ходит. Всегда вот говорили: “На Вознесенье не плюйся — в Христа попадешь”. Нельзя плевать*» (А. Н. Гасова). По этой же причине в день Вознесения запрещалось отказывать в милостыне: 67

⁶ О грозных днях в других районах Владимирской области см.: [Добровольская 2005а, 18–21].

⁷ К этой же группе примыкают нормативы, регулирующие поведение человека в грозные четверги (см. ниже).

«Вот мой дед, он нищих не любил, никогда им не подавал, но в Вознесенье, у нас тут так Вознесение называют, всегда подавал. Говорил: “Может, это Христос под окном просит”. На Вознесенье нищим всегда подавать надо. Если не подал, то Бог накажет» (Г. М. Пикина). Помимо этого, на Вознесение не стирали, так как урожай (особенно овощей) может быть уничтожен сильным дождем или градом: «На Вознесенье после службы можно всё делать, только стирать нельзя. У тех, кто стирает, у тех на огороде всё дождем попортит, всё погнет» (Р. А. Цветкова); «У меня вот бабушка на Вознесенье всегда говорила, что стирать нельзя. У них, когда еще свои поля были, хлеб свой, то не стирали на Вознесенье, чтоб градом не побил хлеб-то» (М. Н. Горелкина).

Иногда о самом празднике сохраняются только скудные, отрывочные сведения, имеющие самый общий характер, а корпус нормативов, связанных с этим праздником, необычайно богат и разнообразен. Так, например, рассказы о празднике Троицы сводятся в основном к тому, что в этот день «с березкой гуляли и без березки гуляли, дома зеленью украшали, ну, богомольные кто в церкву могут сходить, а так песни пели» (Л. И. Платонова). В то же время зафиксированы запреты в этот день шить, убираться в доме, стирать и т. п. Они связаны с представлениями о том, что на Троицу покойники приходят в дом навестить живых и эти виды работы мешают им попасть в избу: «На Троицу шить нельзя вот потому, что родственники приходят, ну, умерли которые, говорят души приходят навестить. А если шьешь, то им дорогу путями закрываешь, запутываешь им дорогу, они дом найти не могут» (В. С. Бровентьева); «Убираться в доме нельзя на Троицу — покойникам дорогу сметешь, они дорогу не найдут. И стирать тоже, дорогу к дому смоешь» (Г. М. Пикина). К этим же представлениям восходят и прескрипции, указывающие на необходимость украшать дом троичкой зеленью: «На Троицу-то вот окошки все березкой украсят, вот душеньки-то придут, тут уж на этих веточках-то и поидут. А если вот не-

ся некуда будет. Она заплачет, а Бог накажет» (М. Н. Горелкина)⁸.

Другой тип запретов связан с представлениями о том, что в этот день земля — именинница. Чтобы не беспокоить ее, на Троицу нельзя работать в огороде: «На Троицу вот земля — именинница, тут уж в огороде не работают. Бог накажет» (А. Н. Гасова). Этим же объясняется и запрет на работы, связанные с забиванием чего-либо в землю: «Вот на Троицу молодые приезжают, а вот изгородь починить нельзя, в землю ничего на Троицу забивать нельзя: земля-то — именинница» (В. С. Бровентьева). Считается, что если в этот день земля обидится на человека, то прекратится всякий рост растений: «Если когда земля именинница, землю обидеть чем, ну, там забить кол какой или там в огороде что покопать, то ничего расти не будет, а ведь на Троицу самый рост у трав-то» (Н. В. Чернышова).

Нами зафиксирован и довольно редкий рассказ о том, что на Троицу нельзя ходить по земле в обуви: «Земля на Троицу — именинница. И вот мама говорила, что на Троицу только босиком ходят, чтоб землю не тревожить. Если ее обидеть, то она родить не будет этим годом» (А. Н. Гасова).

Как видно из приведенных примеров, нормативы, связанные с праздником Троицы, восходят к двум представлениям о генетической природе этого праздника (подробнее об этом см.: [Зеленин 1991, 394—396; Пропп 2000]). Троица, с одной стороны, является днем, в который на земле появляются души умерших, а с другой — временем активного роста растений. Неправильное с точки зрения традиции поведение может повлиять и на связь живых с миром мертвых, и на будущий урожай. Во избежание нежелательных последствий необходимо соблюдать правила, регламентирующие поведение членов сельской общины в этот день.

⁸ Насколько нам известно, подобные представления у русских зафиксированы только на территории Подмосковья (Дмитровский район). Сходные прескрипции имеются у украинцев (Черниговская область) [Виноградова 1995, 375—377].

Если Троица — праздник, о котором в той или иной форме рассказывают все, то день Ивана Постного как собственно календарная дата встречается в ответах исполнителей крайне редко. Расспрашивая о праздниках, которые играют роль пограничных дат между летом и осенью, мы не встретили упоминания этого дня. И даже широко распространенное в соседних районах представление о том, что «*Иван Постный — осени отец крестный*» (З. И. Лукьянова) и что с этого дня «*лето кончается, а осень начинается*» (Е. А. Абрамушкина), относятся в Селивановском районе к другой, пусть и близкой по сроку, календарной дате — Семенову дню⁹.

О дне Ивана Постного как таковом наши респонденты практически ничего не могут рассказать. На вопрос собирателя «*А вот день Усекновения головы Иоанна Предтечи у Вас был?*» большинство собеседников уверенно ответили: «*Нет, такого у нас не было*» (Г. М. Пикина). Однако когда вопрос был изменен и внимание было сосредоточено на запрете, с точки зрения собирателя, наиболее характерном для этого дня, ответ был совершенно другим. Приведем небольшой фрагмент разговора:

С: *А день усекновения головы Иоанна Предтечи у Вас знали?*

И: *Нет, такого у нас не было. Может, где был, а тут нет.*

С: *То есть о дне Ивана Крестителя не говорили?*

И: *Нет, и такого не было.*

С: *А вот был у Вас день, когда ножом ничего не резали?*

И: *А как же. Это Иван Постный, Иван Креститель. Одинадцатого сентября день усекновения головы Ивана Предтечи празднуют, тут уж ножик в руки не берут* (А. Н. Гасова).

Приведенный пример очень показателен. Как видно из вопросов, собиратель использовал большинство распространенных на данной территории названий данного праздника, однако это

⁹ Так, концом лета здесь называют Семенов день: «*Семен лету отец родный, а осени крестный батюшка*» (Г. М. Пикина), «*Семен лето провожает, а осень встречает. С этого дня осень начинается*» (Л. И. Платонова).

не вызвало у исполнителя никаких ассоциаций: Александра Николаевна уверенно говорила о том, что такого дня она не знает. Однако, как только был озвучен запрет, связанный с названной календарной датой, исполнительница не только подтвердила наличие праздника в календарной традиции села и употребила наиболее частотные номинации дня Ивана Постного, но и подробно рассказала о правилах, соблюдение которых необходимо в это время. Такие примеры отнюдь не единичны.

Природа этого праздника тесно связана с библейской легендой, которая в русской народной традиции обычно переосмысливается и порождает запреты на все, что как-то напоминает голову, кровь, блюдо, меч, отрубание, пение и танцы. Так, например, в этот день запрещалось есть шаровидные плоды: «*На Ивана Постного ничего круглого есть нельзя. Ни яблоков, ни свеколки, лук, только перо, а головки ни-ни. Картоху и ту нельзя — круглая она, как голова человечья, как голова Крестителя. В этот день круглого ничего не едят*» (Г. М. Пикина).

Нельзя было использовать блюда и тарелки: «*Все больше в этот день из плошек каких ни то ели, из мисок, а вот тарелок не брали. Раньше их не было особо. Блюдник¹⁰ старались не брать. Ну, это тарелки такие большие. Донечко¹¹ и то не брали. А все потому, что голову Крестителя на блюде Ироду принесли, и ты вроде как Ирод, если тарелку-то взял*» (Р. А. Цветкова).

Довольно широко распространен на данной территории запрет дотрагиваться в этот день до острых и режущих орудий: «*В этот день нож уж не брали завсегда. Что нож, квашенник¹² и тот не брали — острый. Косарь¹³ не берут. Ничего не брали такого в руки: ни нож, ни*

¹⁰ Блюдник — большая чаша из дерева, имеющая плоскую форму наподобие тарелки [Русская изба 1999, 134].

¹¹ Донечко — то же, что блюдец [Русская изба 1999, 168].

¹² Квашенник — нож, употребляемый для очистки квашни от теста [Русская изба 1999, 167].

¹³ Косарь — большой нож для чистки рыбы, резанья хлеба, мяса, шепания лучины и т. д. [Русская изба 1999, 212].

ножницы, кочедык¹⁴ даже. Нельзя острое брать, ведь голову-то Предтече ножом отрезали» (М. Н. Горелкина).

Несмотря на то, что в данной традиции довольно устойчив запрет ломать хлеб: «Хлеб ломать нельзя — только резать. Если хлеб ломаешь, на том свете голодным будешь, ты весь хлеб нечистому скормил» (А. Н. Журухин), — на день Ивана Постного распространялся другой норматив — хлеб резать ножом нельзя: «Вот вообще хлеб ломать нельзя, чертей кормишь — все говорили, а вот на Предтечу хлеб только ломают, резать хлеб нельзя» (Г. М. Пикина). Мотивировкой данного запрета является представление о том, что в течение года отсеченная голова Иоанна Предтечи почти прирастает к своему месту, но когда люди в этот день режут хлеб, голова снова отпадает: «Хлеб на Крестителя резать грех. У его за год голова-то прирастет к шее, ну почти прирастет. И вот если в этот день ножиком-то резать, то опять вроде как её отрезаешь, вроде как ты Ирод. Бог накажет за это» (А. Н. Гасова). Нередко считалось также, что на хлебе, если его резать в этот день, выступает кровь: «На Постного хлеб ломают, если его резать в этот день, то на нём кровка выступит, таки капельки. Грех это, когда на хлебе кровь» (Г. М. Пикина).

Непростительными считались в этот день песни и пляски, так как Саломея с помощью танцев и песен заставила Ирода отрубить голову Иоанну Крестителю: «Уж тут петь и плясать нельзя. Девка Саломея выпросила у Ирода голову Ивана Крестителя, за танцы он ей дал голову. Тут уж нельзя, прям как Саломея будешь» (А. И. Логинова).

Если вышеприведенные нормативы соблюдались всеми членами общины, то существовал и ряд предписаний, которые распространялись только внутри отдельных профессиональных групп.

Так, например, среди гармонистов сохраняется устойчивое представление о том, что на день Ивана Предтечи нельзя даже дотрагиваться до гармони. Причем считается, что запреты этого дня строже, чем аналогичные постовые: «Еще Постом

так-сяк, а уж на Ивана Постного даже не подходи — убьет сразу. Сразу паралик случается. Сколько случав было — это уж проверено. Кто на Ивана Постного до гармони дотронется — обезножит, обезручит. Иван грозный — за музыку накажет, а гармонь ведь, если тронешь мехато и случайно заденешь, она и пискнет, музыка — грех» (П. Г. Крайнова).

В то же время некоторые нормативы относились только к людям одного пола. Так, мужчины не должны были в этот день ни под каким предлогом мыть или даже мочить голову, в противном случае им грозило облысение: «На Головосека голову мужикам мочить нельзя, а уж мыть и подавно. Вот папа споласкивался с работы, всегда волосы мокрые были, а вот на Головосека нет, тут уж сухие всегда. У него до смерти волос копна была. На Предтечу мужикам волосы мочить нельзя — лысым станешь» (Р. А. Цветкова). Среди девушек и женщин существовал запрет на расчесывание волос в этот день. Считалось, что у нарушивших это правило начнут сесть волосы: «Если на Ивана Постного девка или баба волосы расчесает, то у нее они секутся, секутся прям все. Нельзя их чесать» (В. С. Бровентьева).

Правил, регулирующих поведение человека во время праздников, среди прескрипций, связанных с календарем, относительно немного. Значительно больше тех, с помощью которых регулируется поведение в дни, не осознающиеся в данной традиции как праздничные.

Прежде всего, это запреты и предписания, относящиеся к дням недели. Они наиболее многочисленные среди всех зафиксированных в Селивановском районе календарных прескрипций. Представления о днях недели отражаются в ответах исполнителей на вопросы о понятиях *хороший/плохой* день: «Вторник — он день хороший, все в него хорошо» (А. И. Логинова); «Среда — плохой день, неудачный, удачи на него нет» (П. Г. Крайнова).

К теме *хороших/плохих* дней исследователи обратились еще в XIX веке. В большинстве работ этого времени, посвященных анализу положительного и отрицательного значения конкретного

¹⁴ Кочедык — инструмент для плетения лаптей.

дня недели, внимание было сосредоточено на разоблачении суеверных представлений. Причина этого легко объяснима: авторами большинства работ были священники [Гайдебуров 1860, 575—586; Ливотов 1903, 722—723]. Однако в этот же период и позже появляются публикации текстов и статьи, авторы которых не ставят своей задачей анализ народных представлений о днях недели, а рассматривают интересующие нас характеристики дней наряду с другими элементами народного мировоззрения [Калинников 1917, 047—049; Костоловский 1917, 031—047; Ефремов 1927, 68—71; Лунегов 1928, 50—52; Кремер 1848, 9—13; Руженцев 1853, 40—41; Сальг 1836]. Особого внимания заслуживают работы М. Сперанского [Сперанский 1932, 78—122] и А. В. Балова [Балов 1907, 109—137], в которых приведен богатый и разнообразный материал по семантизации и часто неотделимой от нее оценочной характеристике дней недели. В настоящее время также появляются работы, связанные с народными представлениями о днях недели [Толстая 1999а, 23—54; Толстая 1987, 154—168; Успенский 1982, 123—156; Толстая 1999б, 94—95; Толстая 1999в, 95—99; Амосова 2006, 293—303; Добровольская 2006, 276—292]. Одной из самых последних работ по этой теме является подборка статей в журнале «Живая старина» (2008, № 2).

Собственно представления о хороших/плохих днях лежат в основе народной аксиологии времени [Гуревич 1984; Толстая 1991, 61—66]. Дни как единицы календарного времени наделялись в традиции Селивановского района положительным и отрицательным значением в отношении наполняющих их событий и действий. Их положительность и отрицательность связана с целым рядом факторов.

Прежде всего, оппозиция *хороший/плохой* может реализовываться через оппозицию *мужской/женский*, в которой мужским дням приписывается положительная номинация, а женским — отрицательная: «*Вот понедельник, вторник, четверг — мужские дни, а среда и пятница — бабы, они плохие*» (Е. А. Жильцова).

Однако внутри мужских и женских дней существует своя градация по степени положительности и отрицательности, а следовательно, для каждого дня существуют свои правила поведения. Так, для исследуемого региона безоговорочно хорошим днем является вторник. Любые дела, совершаемые в течение этого дня, удачны. Почти всегда вторник имеет устойчивый эпитет «легкий», за которым стоит представление о том, что любая работа в этот день идет легко: «*Во вторник нужно всё, что надо хорошо сделать, делать. Любая работа идет легко, без мучений — мужской день*» (П. Г. Крайнова). В местной традиции считается, что вторник наиболее благоприятен для начала каких-либо дел: «*Во вторник любое новое дело начинать надо — чтоб всё сладилось, потому как мужичий день*» (А. А. Жильцов). В этот день лучше всего заготавливать материал для строительства дома: «*Вот во вторник, потому что мужик он, всегда бревна для дома заготавливали, чтоб, значит, строился легко и стоял долго. И сейчас вот уж даже кирпичи стараются для дома во вторник купить*» (Л. И. Платонова). В этот день рекомендуется начать закладку печи, рытьё погреба, строительство бани: «*Вот начинать погреб рыть надо во вторник, мужской день это, чтоб его водой грунтовой не залило*» (А. И. Логинова). «*Печь тоже во вторник настоящий печник ладить начнет, в мужской день, а если с понедельника — то не мастер он, печь дымить будет и топить её тяжело*» (Г. М. Пикина). «*Вот мы баню во вторник рубить начали, мужичий день, она и стоит, и пар в ней легкий, не угоришь, а вот у соседей в среду рубили, она сгорела. Вторник для начала хороший день*» (М. Н. Горелкина). Считалось, что вторник — самый лучший день для первого выгона скотины: «*Скотину припасать со вторника надо, лёгкий день — и мужской, и удачный, в другой день когда выгонишь, скотинка болеет, чахнет, а во вторник удачно пацется*» (А. И. Пшихина).

В рассматриваемом регионе вторник считается днем, особо удачным для гаданий. Если на Святки или в Масленичную неделю гадать можно весь период и вторник считается лишь наиболее удач-

ным днем, то для гаданий в период поста он является единственным допустимым: *«Вот на Святки гадаем в любой день, а вот вторник — он самый надёжный. Лучшие всего во вторник гадать — дело верное, о мужике гадаешь, и он мужской»* (В. А. Фролова). *«На Масленичной неделе гадали, вот все на жениха. Самое верное гадание — во вторник, в мужской день. Вторник — легкий день — на него гадать нужно, на него гадание самое верное»* (Е. А. Жильцова). *«Вот о погоде на лето на первой неделе поста гадают, единственный день в посте, когда гадание от Бога, легкий день и гадать можно, хоть и пост, потому что вторник — мужской день»* (А. И. Пшихина).

Наши исполнители отмечали, что вторник благоприятен для молитв и поминовения усопших. И если Радуница (вторник на Фоминой неделе) считается днем поминовения повсеместно, то в Селивановском районе существует прескрипция, рекомендующая поминать покойников во вторник: *«Вот Радужница — это ж вторник, на его молятся по покойникам. А почему? Потому что вторник — день мужичий и лёгкий, на его молитвы легко до Господа доходят. Каждый вторник лучше всего поминать, вторник — он лёгкий день. Если помянуть хочешь — помяни во вторник»* (А. Н. Гасова).

Некоторые исполнители указывали на то, что наиболее благоприятным для начала работ вторником считается тот, на который приходится день памяти каких-либо преподобных: *«Когда вот у сына машину покупали — они во вторник её покупали, специально смотрели, чтоб мужской день и на какого преподобного попал вторник. Вот они на преподобного Тихона покупали, удачный день. Вторник и так лёгкий, а уж если на преподобного попал — самый удачный. Старались вот подгадать, если какое дело серьёзное»* (В. С. Бровентьева).

Понедельник также считается мужским днем. При назывании хороших и плохих дней он входит в круг дней, наделенных положительной семантикой, однако почти всегда сопровождается эпитетом *тяжелый*, который несет в себе отрицательную коннотацию. Причина такой амбивалентности заключает-

ся в том, что понедельник хорош для повседневных работ, но необычайно опасен для их начала: *«Так-то в понедельник, он мужичий день, все делать можно, что работал, то и продолжай, а только вот не начинай ничего. Новые работы начинать нельзя, ничего ладно не выйдет, тяжелый он день»* (Г. М. Пикина).

Как только этот день перестает рассматриваться в оппозиции *мужской/женский*, он безоговорочно наделяется отрицательной семантикой, которая становится доминирующей при попытке респондента дать характеристику этого дня. Еще в XIX веке появились работы, в которых рассматривалась именно негативная оценка понедельника [Соколов 1847, 240—242; Балов 1895; Балов 1904]. В статье С. Н. Амосовой [Амосова 2006] рассматриваются возможные причины такой характеристики и целый ряд примеров, подтверждающих отрицательную семантику понедельника.

Самым неоднозначным с точки зрения положительной и отрицательной семантики является четверг. Даже те, кто осознает его как мужской, а следовательно, хороший день, отмечают другую его особенность — он грозный: *«Четверг он хоть и мужской день, но грозный»* (М. Н. Горелкина); *«Четверг мужской день и легкий, но грозен очень»* (А. Н. Гасова).

Обычно эпитет *«грозный»*, как в значении *‘грозовой’*, так и в значении *‘сердитый’*, применяется к определенным календарным датам, чаще всего весенне-летнего цикла, в которые не рекомендуется работать во избежание грозы и угрозы уничтожения работы дождем или ударом молнии (см. подробнее: [Добровольская 2005]). Как было сказано выше, *грозными четвергами* в Селивановском районе считаются четверги преимущественно от Благовещения до Ильина дня. В эти дни не рекомендуется заниматься женскими работами, связанными с шитьем, прядением и ткачеством: *«На четверг не ткали, он хоть день и легкий, четверг же он, мужик значит, но не ткали — грозный очень. Всё, что работаешь в этот день, рваться будет. Или нитки все погниют — толку не будет»* (А. Н. Гасова).

В эти же дни запрещены и другие виды женских работ. Считается, что в *грозные четверги* нельзя стирать. Поскольку в противном случае *«кто в четверг белье стирает, у того оно рвется в шобло»* (Г. М. Пикина). Иногда говорят, что постиранное в четверг белье не выглядит чистым: *«Когда на четверг белье стираешь, оно всё одно как захристанное, потому и не стирают на четверг»* (Л. И. Платонова).

Полагают, что вымытые в четверг окна не блестят, а полы быстро пачкаются. Причем мотивировка запрета на эти виды работ связана с дождем и грозой ассоциативно: все такое же грязное, как после сильного дождя: *«Вот четверг он мужской день, легкий, но вот на него нельзя полы мыть и окна, он грозный очень и всё что помоешь грязное, как после грозы»* (М. Н. Горелкина).

В этот же период по четвергам нельзя заготавливать бревна для строительства дома, так как в срубленное в этот день дерево *«молния попадет и сгорит всё, не потушит никто»* (А. И. Логинова).

Считается также, что в четверг, как и в воскресенье, нельзя мыться, но мотивировка этих запретов разная. Моющийся в воскресенье смывает свое здоровье, тот же, кто моется в четверг, может быть убит громом или умереть во время грозы, что считается знаком неправедной жизни и указанием на пребывание в аду после смерти: *«В четверг мыться — хуже нет. Кто в четверг моется, того громом убьёт»* (Л. И. Платонова). *«В четверг мыться — будешь потом в аду в огненной реке мыться. Грозный день — мыться нельзя»* (А. Н. Гасова)¹⁵.

Вероятно, эпитет *грозный* применительно к четвергу имеет древние языческие корни, поскольку у большинства индоевропейских народов этот день посвящался богу-громовнику [Иванов 1958, 125—127; Иванов, Топоров 1974]. Однако если у народов, имевших хорошо развитую мифологическую систему с культом громовника, семантика четверга сугубо отрицательная¹⁶, то в исследу-

емой традиции этот день может иметь и положительную коннотацию. Такая двойственная (но прежде всего все-таки отрицательная) оценка четверга в Селивановском районе не может быть объяснена через его принадлежность к мужским дням, посвящавшимся тому или иному богу, так как в русском языке, в отличие, например, от немецкого, связь дня недели и бога на уровне языка не сохранилась (ср.: четверг — Перун (рус.) с Donar — Donnerstag (нем.), Тор — Torsdag (датск.) и др.).

Женские дни (среда, пятница, суббота) заведомо неблагоприятны для работы, особенно для ее начала. Эти дни обычно сопровождаются эпитетом *тяжёлый*: *«Среда, пятница и суббота — бабьи дни. Они тяжелые»* (А. И. Логинова, 1921 г. р.). Иногда среду и пятницу называют *«горькими днями»*, что связано со страданиями Христа: *«Среда и пятница — горькие дни. В среду Иуда Христа предал, а уж в пятницу распяли»* (П. Г. Крайнова). Есть и еще одно название этих дней — *постные*, так как православные должны в эти дни держать пост.

Среда в данной традиции сама по себе крайне редко называется плохим днем. Обычно она выступает в этом качестве только в паре с пятницей. Сама по себе она наделяется ослабленной отрицательной семантикой. Собственно в этот день не рекомендуется начинать какие-либо работы: *«Среда бабий день, тяжелый. На него ничего начинать нельзя — всё равно работы не будет»* (М. Т. Сокова).

В этот день нельзя также печь пироги и солить огурцы, поскольку тесто не поднимется, а огурцы забродят и скиснут: *«На среду, хоть и бабий день, тесто не ставят — нельзя! Оно не поднимется. Поэтому пироги и не пекут в среду, хоть и бабья работа, а в среду не пекут»* (Е. А. Жильцова); *«Огурцы солить в бабий день нельзя, особенно в*

отпускать детей из дома [Waring 1977]. Англичане так же верят в то, что четверг опасный день. Они полагают, что только один час этого дня, предрассветный, благоприятен для человека [Энциклопедия суеверий 1995, 478—479].

¹⁵ Подробнее представления о четверге см.: [Добровольская 2008а].

¹⁶ Так, немцы считают четверг самым зловещим днем недели, в который нельзя начинать какие-либо дела, играть свадьбы и

среду. *Бабий день, тяжёлый, они скиснут*» (М. Т. Сокова).

Пятница, напротив, независимо от среды осознается плохим днем. В данном регионе не сохранилось представлений о св. Параскеве-Пятнице, однако запреты на женскую работу по пятницам существуют до настоящего времени. Мотивировкой большинства запретов является грозный характер святой, образ которой довольно часто заменяется образом Богородицы: *«В пятницу не работают, тяжёлый день. Матушка Параскева грозна»* (Р. А. Цветкова). В этот день женщины должны соблюдать запрет на стирку, шитье и прядение: *«Прясть в пятницу нельзя — Богородице глаза куделью засыпешь»* (М. Н. Горелкина); *«Стирать в пятницу грех, тяжёлый день, Матушке Пресвятой Богородице лицо омывками зальешь»* (В. И. Серова); *«Шить никак нельзя по пятницам — Богородица ножки о нитки порежет»* (А. И. Пшихина).

В пятницу не играют свадеб, так как полагают, что в этом случае семейная жизнь будет тяжелой: *«Это прям запрет такой, на пятницу свадьбу не делать. Кто в пятницу свадьбу играет, у того семейна жизнь тяжелой будет»* (Л. И. Платонова).

Практически каждая пятница в году считалась опасной, но особенно пятницы перед праздниками. Такие пятницы предписывалось *«блюсти, чтоб греха не было»* (П. Г. Крайнова). Запрет на шитье и стирку был особенно строг: *«Уж вот в такую пятницу ни стирать, ни шить, ни-ни. Если что — Бог накажет»* (А. И. Пшихина).

Особый запрет распространяется на пение и смех в пятницу, так как верили в то, что *«если в пятницу посмеешься, то весь год проплачешь»* (В. А. Фролова) или *«кто в пятницу смеется, тот всю неделю плачет»* (Е. И. Самойлова).

Субботу на территории Селивановского района называют «худой день», причем слово *худой* используют как в значении ‘плохой’, так и ‘тощий, не упитанный’. Таким образом суббота наделяется отрицательной семантикой, потому что результаты совершаемых в этот день действий не соответствуют желаемому: скотина, купленная в субботу, худеет, семена дают тонкие рос-

тки и т.д.: *«Суббота день худой, что не сделаешь всё худо, поэтому старались особо не делать ничего, особенно не сажали ничего — у ростков силы не будет»* (Е. И. Самойлова).

Необходимо отметить, что мужская и женская семантика дня может оказывать влияние на предметы, наделенные в традиционной культуре гендерной принадлежностью¹⁷. Так, в Селивановском районе довольно устойчив запрет на посадку «мужских» овощей (лук, чеснок, помидор, огурец) в женские дни, и «женских» овощей (морковь, свекла, репа, картошка) — в мужские: *«Женские дни лук сажать дело пустое, все в стрелку уйдет, а сам погниет»* (В. С. Бровентьева), *«В мужской день картошку сажать гиблое дело — будет шраннель одна, ничего такого в мужской день не сажают»* (А. В. Овечкина).

В традиции Селивановского района оппозиция *хороший/плохой* день может реализовываться и через оппозицию *парный/непарный* (в значении ‘имеющий/не имеющий пары’). Парный день наделяется положительной семантикой, а непарный — отрицательной. Собственно непарный день всего один — суббота, поскольку все остальные дни имеют пары: *«Вторник и среда, четверг и пятница, воскресенье и понедельник — они пары, а суббота — сирота, у ей пары нет»* (А. Н. Гасова)¹⁸. Именно с семантикой парности связаны запреты на свадьбы по субботам. Считается, что свадьба, сыгранная в непарный день, не имеет благополучного исхода: *«Свадьбы по субботам не играют, она непарный день — пару потеряешь, без пары останешься. Суббота себе пару заберёт»* (М. Н. Горелкина).

При реализации оппозиции *хороший/плохой* через оппозицию *четный/нечетный* четные дни наделяются положительной семантикой, а нечетные — отрицательной. В этом случае положительной семантикой наделяются втор-

¹⁷ Пол предмета (чаще всего растения или инструмента) определяется по грамматическому роду названия [Толстой 1995, 151–166; Толстой 1995а, 333–340].

¹⁸ Иногда субботу называют *вдовушкой*, но и в слово «сирота» вкладывают значение, близкое к слову «вдова». Ср.: *«Вдова — она сирота»* (Г. М. Пикина).

ник, четверг и суббота: «*Вот посмотри, ты спрашиваешь, вторник — второй, четверг — четвёртый, а суббота — шестая. Все чётны, значит они лёгкие. На них любую работу делать можно, а понедельник, среда и пятница нечётны, они тяжёлые*» (В. С. Бровентьева). В четные дни лучше всего приобретать какие-либо вещи, поскольку тогда они долго служат: «*Вот в чётны дни всё покупать можно, все к прибытку, а в нечётны — все покупки впустую. Убытки сплошные, рвется все, ломается. Нельзя ничего покупать в нечётный день*» (Н. В. Чернышова). В нечетные дни не рекомендуется раздавать скотину, давать в долг, лечить килы и т. п.: «*Если день нечётен, то уж тут и скотину не раздоишь. Вот даже если кто слова знает, а не раздоишь*» (Г. М. Пикина); «*Вот есть люди — они килы насылают, их вот в чётный день снимают, а если нечётен — не действует эта водичка*» (Р. А. Цветкова); «*Деньги вот, говорят, нельзя в нечётный день в долг давать — не вернут долг*» (Л. И. Платонова).

Иногда оппозиция *хороший/плохой* может реализовываться через оппозицию *первый/последний*, и тогда самый удачный день — это понедельник, а самый плохой — суббота. В традиционной культуре понятие начала и конца занимает одно их ключевых мест [Валенцова 1998, 73—81]. В Селивановском районе понедельник считается благоприятным днем, потому что он «новый»: «*Понедельник — новый день, на него от любого дела прибыток, всё, что сделал в понедельник, к этому прибывает. Вот ткешь — прибывает, и ноское очень, солишь что — вкусно, денег в долг дал — вернут и ещё быстро. Удачный день*» (Л. И. Платонова). Соответственно, суббота как последний день считается несчастливым, и поэтому на нее распространяется довольно устойчивый запрет отдавать что-либо из дома: «*В субботу вот ничего не дают, все пойдет прахом. Пустой день. Даже огурцы не завязываются в этот день. Пустоцветы*» (В. А. Фролова).

В вышеприведенном материале практически не упоминается воскресенье, так как в народном сознании это особый день, он противопоставлен остальным дням недели по принципу

будни/праздник: «*Все вот дни и тяжёлые и лёгкие — это будни, а вот воскресенье — оно праздник*» (А. И. Пшихина). Отрицательная семантика этого дня проявляется только в случае нарушения запрета на работу: «*В воскресенье не работают, работать нельзя. Кто работать будет, того Бог накажет*» (П. Г. Крайнова). Зафиксированы единичные упоминания о наказании за работы того или иного вида в воскресенье (изготовление хлеба, квашенье капусты, шитье, столярные работы, работа в огороде и т. д.). Многовариантным является только запрет на стирку и мытье в воскресенье: «*В воскресенье стирать нельзя, ты Бога водой грязной поливаешь*» (Р. А. Цветкова). «*У нас не принято в воскресенье стирать — Богородицу грязью поливаешь*» (П. Г. Крайнова). «*В воскресенье мыться нельзя, здоровье смоешь*» (А. И. Пшихина). «*Воскресенье — праздник, тут мыться нельзя, Бог здоровье заберет*» (Е. И. Самойлова).

Помимо запретов, связанных с праздниками и днями недели, зафиксированы запреты, относящиеся к другим временным категориям. Прежде всего, это время суток. Оно также наделяется положительной и отрицательной семантикой. Так, считается, что время до полудня хорошее, а после — плохое. Отсюда прескрипции, связанные с тем, что начинать какую-либо работу после полудня опасно: «*Вот до обеда, ну вот хоть что делай, хоть там что, всё в прибыток. Вот будешь сажать — всё в рост пойдет, тесто поставишь — хорошее будет, шить начнешь — вещи сноса не будет, а вот если после полудня — тут всё прахом. Вот до обеда морковь сажала — вся как на подбор, а после — вся кривая и мелкая. Нельзя после полудня ничего делать*» (А. И. Пшихина).

Наиболее опасными считаются для человека те суточные периоды, которые в народной традиции наделяются семантикой пограничного времени. Это полдень и полночь, которые воспринимаются как плохое время, а следовательно, на них приходится много нормативов, призванных обезопасить человека. В полдень нельзя ходить в лес и на реку, так как можешь пострадать от лешего или водяного; нельзя жать, так как оборотень насылает солнечный

удар; нельзя подметать, так как можно обидеть домового и т. д.: «*На реку в полдень только дети малы бегают, и то если взрослые увидят, то уж тут остаются. Нельзя ходить — водяной утащит*» (Е. А. Жильцова); «*В лес у нас до полудня ходят — в полдень лешак шалит*» (П. Г. Крайнова); «*Раньше все говорили, что не жнут в полдень — оборотень какой-то удар найдет солнечный*» (А. И. Логинова); «*Кто ж в полдень-то метёт! Домового обидишь, он все хозяйство разматает*» (А. В. Овечкина).

Прескрипции, связанные с полночью, имеют как запретительный, так и рекомендательный характер. С одной стороны, людям запрещается выходить из дома в полночь во избежание столкновения с нечистой силой: «*В полночь дома сидеть нужно, а на улице нечистый бродит*» (В. С. Бровентьева). С другой — существуют рекомендации, предписывающие в полночь совершать определенные ритуалы, такие как гадания, подача тайных милостыней, хождение за святой водой, изготовление четверговой соли и т. п.: «*Ой, вот тайную милостыньку только в полночь кладут на окошко*» (А. В. Овечкина); «*За святой водой только в полночь ходить надо*» (Е. И. Самойлова); «*Гадают это в только в полночь верно, нужно только в полночь гадать*» (М. Н. Горелкина).

Очень часто полночь является рекомендуемым временем для получения мастерства. Так, в полночь плотник должен оставить в лесу свой топор, гармонист — в бане гармонь, лапотник — под самой старой березой кочедык и т. п. Целью оставления инструмента является желание мастера получить мастерство от нечистой силы. Контакт с нечистой силой для получения помощи возможен только, когда «иномирное» существо наиболее активно, то есть когда реализуется вся совокупность признаков, наиболее полно его характеризующих (подробнее об этом см. [Виноградова 2000, 27—67]). Обрядовое время, таким образом, отличается от профанного. Тот период, в который в обыденных ситуациях запрещаются определенные действия, в сакральных, наоборот, рекомендуются их совершение.

Небольшое число прескрипций связано с таким временным отрезком ка-

лендаря, как неделя. Самым опасным временем в году считается Страстная неделя, так как в ней нет воскресенья. Нормы предписывают человеку в этот период молиться Богу и не начинать никаких дел, в противном случае «*счастья уж точно не будет, а если что делать начнешь — сплошные убытки. На Страшной неделе только Богу молятся*» (Е. И. Самойлова). Напротив, самым благоприятным временем является неделя после Троицы, на которую приходится два воскресенья. В этот период предписывается начинать дела, которые обязательно принесут прибыль: «*Вот в это время всё начинать надо, тут удача будет, прибыль, а потому что два воскресенья*» (А. И. Пшихина).

Некоторые предписания распространяются на целый месяц. Так, считается, что в мае нельзя жениться: «*В мае жениться нельзя — всю жизнь маяться*» (М. Т. Сокова). Считается также, что в мае нельзя начинать лечение и ложиться на операцию: «*В мае не начинают лечиться, на операцию нельзя ложиться. Потому что в мае в доме покойник будет, так вот говорят. Так мышь может какая помрёт, а так беспреренно человек*» (Е. А. Жильцова).

Нельзя не упомянуть и високосный год. В это время нельзя начинать какие-либо серьезные дела: строить дом, устраивать свадьбу, переезжать, покупать скотину и т. п.: «*В високосный год дом не строят — сгорит*» (Е. А. Жильцова); «*Скотину покупать в високосный год нельзя — всё одно сдохнет*» (П. Г. Крайнова.); «*Кто же свадьбы в високосный год играет — тут похороны будут обязательно*» (Р. А. Цветкова). Самое опасное время этого года — Касьянов день, на который рекомендовали вообще не выходить из дома: «*На Касьяна лучше дома сидеть, а если выйдешь на улицу или что делать будешь, что-нибудь обязательно случится*» (А. И. Логинова).

* * *

Как видно из приведенных примеров, прескрипции, связанные с календарем, бытуют в Селивановском районе весьма активно. Они регламентируют поведение человека как в праздничные дни, так и в будни. Одно и то же событие может быть успешным или не-

успешным в зависимости от времени. Как отметила Т. Г. Владыкина «регламентировалась вся совокупная информация о социальном и природном окружении человека на его важнейших пространственно-временных уровнях» [Владыкина 1998, 240]. Запреты и предписания являются одной из наиболее ярких и сжатых форм регламентации поведения человека в определенный календарный период. Нельзя не согласиться с Т. Б. Щепанской¹⁹, что задача прескрипций «состоит в том, чтобы представить модель поведения, которой затем предстоит перейти в привычку» [Щепанская 2006, 425].

Нормативы выполняют несколько взаимосвязанных функций. Прежде всего, это обережная функция, поскольку любой запрет или предписание призваны защитить человека от негативного влияния. Именно обережная функция осознается и декларируется всеми носителями традиции. Прескрипции выполняют также информационную функцию. В них содержатся сведения о том, что действия человека в тот или иной временной период влияют на его личное благополучие и благополучие социума. Нормативный комплекс отвечает интересам сообщества и поддерживает его относительную «автономность»²⁰. Отметим, что прескрипции являются устойчивейшей формой репрезентации норм. Озвучивание норматива является средством самоидентификации, знание норматива (независимо от выполнения или невыполнения) включает человека в круг «своих». Совершенно очевидно, что в традиционной культуре прескрипции определяли систему поведенческих актов, правил, которые распространялись на все стороны человеческой жизни. Нормативы являлись «формой объяснения мира» [Владыкина 1998; 278] и представляли собой конкретные правила поведения, обоснованные опытом предшествующих поколений.

Как отметила Т. Г. Владыкина, «система важнейших предписаний была

¹⁹ Данное мнение высказано применительно к профессиональным прескрипциям, но безусловно может быть перенесено на все разновидности нормативов.

²⁰ О запретах как способе сохранения собственной культуры см.: [Никитина 2005].

разработана за многовековую историю народа столь детально и тщательно, что практически охватывала весь жизненный цикл человека, причем индивидуальное, как правило, довольно жестко ограничивалось или даже приносилось в жертву общему, общинному, родовому» [Владыкина 1998, 240]. Пренебрежение нормативами, их несоблюдение приводит к нарушению социального равновесия в обществе. Мы можем говорить о том, что прескрипции в той или иной степени влияют на формирование свода обычного права. Таким образом, прескрипции обладают социоподдерживающей функцией, то есть закрепляют взаимосвязь судеб и интересов членов определенной группы, которая способствует созданию социального единства.

Литература

Амосова 2006 — Амосова С. Н. Представления, связанные с понедельником // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. М., 2006. С. 293—303.

Антропология профессий — Антропология профессий: сб. науч. статей / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005.

Балов 1895 — Балов А. В. «Понедельничанье»: Из народных обычаев в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Ярославские губернские ведомости. 1895. С. 3.

Балов 1904 — Балов А. В. Понедельник и понедельник: Историко-этнографический очерк // Русский архив. 1904. № 5. С. 27—36.

Балов 1907 — Балов А. В. Черты русского народного календаря. Дни недели в русских народных верованиях // Русский архив. 1907. Вып. 1. С. 109—137.

Валенцова 1998 — Валенцова М. М. Семантика начала и конца в календарной обрядности чехов и словаков // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 73—81.

Виноградова 1995 — Виноградова Л. Н. Троица // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 376

Виноградова, Толстая 1999 — Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Запреты // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Д—К (Крошки). М., 1999.

Виноградова 2000 — Виноградова Л. Н. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии (совместно с С. М. Толстой) // Народная демонологи-

гия и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 27—67.

Владыкина 1998 — *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.

Гайдебуров 1860 — *Гайдебуров А.* Несколько слов о предрассудках // Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям. 1860. № 9. С. 575—586.

Гуревич 1984 — *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.

Добровольская 1999 — *Добровольская В. Е.* Народный календарь Судогодского края // Фольклор Судогодского края. М., 1999. С. 25—124.

Добровольская 2004 — *Добровольская В. Е., Киселева Ю. М.* Праздники // Традиционная культура Гороховецкого края. Т. 1. М., 2004. С. 33—60.

Добровольская 2005 — *Добровольская В. Е.* Магические запреты и предписания в сфере регулярной трудовой деятельности сельского населения Северной и Центральной России // *Palaeoslavica*. Vol. 13, № 1. 2005. Cambridge, Massachusetts. С. 243—259.

Добровольская 2005а — *Добровольская В. Е.* «Грозные праздники» в системе календарных дат Муромского района // Живая старина. 2005. № 2. С. 18—21.

Добровольская 2006 — *Добровольская В. Е.* Категория «хорошее/плохое время» в традиционной культуре Центральной России // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. М., 2006. С. 276—292.

Добровольская 2006а — *Добровольская В. Е.* Прескрипции, связанные с профессиональной деятельностью, в традиционной культуре Центральной России // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. № 5. Вильнюс, 2006. С. 46—53.

Добровольская 2006б — *Добровольская В. Е.* Типы прескрипций, связанные с профессиями изготовителей обуви (сапожник, лапотник, валяльщик/шерстобит), в традиционной культуре Северной и Центральной России // *Humanitāro zinātņu vēstnesis*. № 10, 2006. Daugavpils. С. 7—19.

Добровольская 2007 — *Добровольская В. Е.* Типы прескрипций, связанные с профессией плотника, в традиционной культуре Северной и Центральной России // Вятские родники. Сборник материалов восьмой научно-практической конференции. Киров, 2007. С. 9—19.

Добровольская 2008 — *Добровольская В. Е.* Прескрипции, бытующие в среде кладбищенских работников // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. М., 2008. С. 126—133.

Добровольская 2008а — *Добровольская В. Е.* «Четверг в один узел и горе, и радость вяжет...». Амбивалентность семантики четверга

в традиционной культуре Владимирской области // Живая старина. 2008. № 2. С. 12—15.

Ефремов 1927 — *Ефремов А. П.* Поверья и приметы крестьян хутора Танеева б. Медвенской волости Обоянского уезда Курской губернии // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 4. С. 68—71;

Зеленин — *Зеленин Д. К.* Сезонные запреты (табу) у восточных славян и их соседей // Архив РАН. СПб., фонд 849, оп. 1, д. 310.

Зеленин 1929 — *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л., 1929.

Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

Иванов 1958 — *Иванов Вяч. Вс.* К этимологии балтийского и славянского названия бога грома // Вопросы славянского языковедения. Вып. 3. М., 1958. С. 125—127.

Иванов, Топоров 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Калинников 1917 — *Калинников И.* Народные приметы (Записано в Мценском уезде в 1915 г.) // Живая старина. 1917. XXV. С. 047—049.

Костоловский 1917 — *Костоловский И.* Народные поверья жителей Ярославского края // Живая старина. 1917. XXV. С. 031—047.

Кремер 1848 — *Кремер А.* Земледельческий и сельскохозяйственный календарь для простолюдинов, составленный из народных преданий // Воронежские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1848. 10 января. № 2. С. 9—13;

Кудряшова 1993 — *Коми народные приметы / сост. В. М. Кудряшова.* Сыктывкар, 1993.

Ливотов 1903 — *Ливотов Е.* Поверье о понедельник // Пензенские епархиальные ведомости. 1903. 1 сентября. № 17. С. 722—723.

Лунегов 1928 — *Лунегов И.* «Запуги». Предрассудки, суеверия и приметы жителей Вильгортского с/с Чердынского р-на // Чердынский край. 1928. Вып. 3. С. 50—52.

Малые социальные группы 2008 — *Фольклор малых социальных групп: традиции и современность.* М., 2008.

Никитина 2005 — *Никитина С. Е.* Русские конфессиональные группы в современную эпоху: культурные барьеры и культурные контакты // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 99—108.

Пермяков 1975 — *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремического фонда // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 247—274.

Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографиче-

ческого исследования. М., 2000. С.67—123 (Собрание трудов В. Я. Проппа).

Профессии.doc — Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: Взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: Руженцев, 2007.

Руженцев 1853 — *Руженцев П.* Народные приметы в Юхновском уезде // Вестник императорского РГО. СПб., 1853. Ч. 7. Кн. 2. Отд. 8. С. 40—41.

Русская изба — Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999.

Сальга 1836 — *Сальга И. Б.* Откуда произошли суеверные понятия о пятнице, о числе тринадцать, о просыпанной соли и т. п. // Северная пчела. 1836. 18 ноября. № 265.

Смоленский сборник — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1: Календарные обряды и песни. М., 2003.

Соколов 1847 — *Соколов П.* Понедельник — день тяжелый (Одно из поверий наших престолудинов) // Рязанские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1847. 29 ноября. № 48. С. 240—242.

Соколова — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX — начало XX в.). М., 1979.

Сперанский 1932 — *Сперанский М.* «Злые дни» в приписках Ассеманова евангелия // Македонски преглед. София, 1932. Т. 2. Вып. 1. С. 78—122.

Толстая 1987 — *Толстая С. М.* К соотношению христианского и народного календаря у славян. Счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 154—168.

Толстая 1991 — *Толстая С. М.* Аксеология времени в славянской народной культуре // История и культура. М., 1991. С. 61—66.

Толстая 1999а — *Толстая С. М.* Полесские рукописные календари // POLUTROPON. К 70-летию В. Н. Топоркова. М., 1999. С. 23—54.

Толстая 1999б — *Толстая С. М.* Дни добрые и злые // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2 Д—К (Крошки). М., 1999. С. 94—95.

Толстая 1999в — *Толстая С. М.* Дни недели // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2 Д—К (Крошки). М., 1999. С. 95—99.

Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005.

Посоха 2007 — Календарные праздники и обряды. Материалы к библиографии / сост. И. Е. Посоха // Традиционная культура. 2007. № 1. С. 82—97.

Трофимов 2000 — *Трофимов А. А.* Традиции, связанные с рыболовецким промыс-

лом на Русском Севере // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М., 2001. С. 54—57.

Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Харченко, Тонкова 2008 — *Харченко В. К., Тонкова Е. Е.* Лингвистика народной приметы. Белгород, 2008.

Чередникова, Кром — *Чередникова М., Кром И.* Не возите больного ногами вперед! Ему-то по барабану, а врач может очокуриться // www.megapolis.ru.

Чернов 1967 — *Чернов И. А.* О семиотике запретов // Труды по знаковым системам 1967, Вып. 3.

Шумов — *Шумов К.* Традиции пожарной охраны // www.ruthenia.ru/folklore/alphabet.htm.

Шумов 2003 — *Шумов К. Э.* Профессиональный миф программистов / Современный городской фольклор. М., 2003.

Щепанская 2001 — *Щепанская Т. Б.* Мужская магия и статус специалиста (по материалам русской деревни конца XIX—XX вв.) // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М., 2001. С. 9—27.

Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2003. Т. VI. № 1.

Щепанская 2006 — *Щепанская Т. Б.* Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Т. 2. М., 2006. С. 405—427.

Энциклопедия суеверий 1995 — Энциклопедия суеверий. М., 1995. С. 478—479.

Waring 1977 — *Waring P. A.* Dictionary of Omens and Superstitions. London, 1977.

Список исполнителей

Абрамушкина Екатерина Алексеевна, 1928 г. р., ур. д. Малые Голенищи, с 1940 г. и по настоящее время проживает в д. Шубино Гороховецкий р-н Владимирской области.

Бровентьева Валентина Степановна, 1935 г. р., ур. с. Ивонино, в настоящее время проживает в д. Копнино (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-4).

Гасова Александра Николаевна, 1918 г. р., ур. д. Копнино, в настоящее время проживает в д. Копнино (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-5).

Горелкина Мария Ивановна, 1967 г. р., ур. п. Новлянка, в настоящее время проживает в д. Копнино (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-3).

Горелкина Мария Николаевна, 1941 г. р., ур. д. Копнино, в настоящее время проживает в д. Копнино (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-5).

Жильцов Александр Антонович, 1926 г. р., ур. д. Рыково, в настоящее время проживает в с. Волосатое (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-8).

Жильцова Евдокия Алексеевна, 1927 г. р., ур. д. Рыково, в настоящее время проживает в с. Волосатое (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-8).

Журухин Алексей Николаевич, 1968 г. р., ур. п. Новлянка, обр. высшее, директор краеведческого музея, в настоящее время проживает в п. Красная Горбатка (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-1).

Крайнова Прасковья Григорьевна, 1925 г. р., ур. с. Драчёво, в настоящее время проживает в с. Драчёво (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-6).

Логинова Антонина Ивановна, 1921 г. р., ур. с. Драчёво, в настоящее время проживает в с. Драчёво (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-6).

Лукьянова Зинаида Ивановна, 1921 г. р., ур. д. Слашево Судогодский р-н Владимирской области.

Овечкина Анна Васильевна, 1932 г. р., ур. д. Переложниково, в настоящее время проживает в д. Переложниково (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-13).

Пикина Галина Михайловна, 1925 г. р., ур. с. Карачарово (Муромский район), с 3-х лет и по настоящее время проживает в п. Красная Горбатка (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-3).

Платонова Любовь Ивановна, 1959 г. р., ур. д. Надеждино, образование высшее, учитель истории, в настоящее время проживает в с. Надеждино (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-2).

Пшихина Александра Ивановна, 1928 г. р., ур. д. Курково, в настоящее время проживает в д. Курково (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-11).

Самойлова Екатерина Ивановна, 1925 г. р., ур. с. Булатниково Муромского р-на, с 1940 года и по настоящее время проживает в д. Переложниково (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-13).

Серова Валентина Ивановна, 1941 г. р., ур. д. Курково, в настоящее время проживает в д. Курково (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-12).

Сокова Мария Тимофеевна, 1927 г. р., ур. д. Курково, в настоящее время проживает в д. Курково (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-12).

Фролова Валентина Алексеевна, 1928 г. р., ур. с. Высоково, в настоящее время проживает в п. Красная Горбатка (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-10).

Цветкова Римма Алексеевна, 1935 г. р., ур. пос. Красная Горбатка, образование высшее, учитель (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-5).

Чернышова Надежда Васильевна, 1967 г. р., ур. д. Алешково, обр. высшее, художественный руководитель клуба с. Надеждино, в настоящее время проживает в с. Надеждино (АЦРФЭ-2007. 33-12-А-2).

А. Б. ИПОЛИТОВА
(Москва)

РЕЛИГИОЗНЫЕ СТИХИ: РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Как известно, в фольклорных экспедициях наряду с записями изустного материала собираются и рукописные тексты. В тех случаях, когда информант не заинтересован в передаче рукописей в архив экспедиции, их обычно копируют различными способами:

- начитывают на диктофон;
- переписывают в полевой блокнот или набирают непосредственно в компьютер;
- ксерокопируют, сканируют или переснимают на цифровой фотоаппарат.

Выбор того или иного способа копирования зависит от наличия у собирателя соответствующей техники и времени. При этом следует помнить, что копия не может заменить собой подлинник, ибо неизбежно теряется какая-то часть информации об особенностях рукописи. Так, при начитывании на диктофон не остается никаких сведений ни о рукописи (формат, переплет, бумага, орудия письма и проч.), ни об особенностях почерка, орфографии и проч.; при переписывании текста (особенно в полевых условиях) к этому добавляется неизбежное появление ошибок прочтения, запоминания, внутреннего диктанта, письма, переосмыслений [Лихачев 2006, 41—49]. Поэтому очень важно уже в экспедиции, пока подлинник рядом, подготовить археографическое описание рукописи.

Наилучшим средством копирования являются широко применяемые в последние годы сканирование и пересъемка на цифровой фотоаппарат (в режиме цветной съемки). Казалось бы, по отснятым кадрам можно составить почти полное представление о рукописи. Однако и здесь есть свои «подводные камни». Чтобы их избежать, необходимо придерживаться следующих правил. Рукописи желательно переснимать целиком, от первой обложки до последней включительно. При этом надо зафиксировать объем рукописи (в листах) и формат; обязательно нужно сделать